

Интервью с Андреем Григорьевичем ЗДРАВОМЫСЛОВЫМ

«СОЦИОЛОГИЯ КАК ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО»

Здравомыслов А. Г. (1928-2009) —окончил философский факультет ЛГУ, доктор философских наук. Основные области исследования: история и методология социологии, социология труда, политическая социология, конфликтология. Интервью состоялось в 2005-2006 годах.

Андрея Григорьевича Здравомыслова я знал — самому с трудом верится — свыше 40 лет. Уже после завершения интервью он спросил меня, что мне запомнилось из его лекций по социологии, которые я как сотрудник руководимой им кафедры посещал в 1968—1969 году в Ленинградской высшей партийной школе. Я ответил: «Твоя активная жестикуляция левой рукой». На языке жестов это означает, что человек не просто рассказывает нечто окружающим, но размышляет вслух об очень важных для него вещах. Думаю, если бы не это убеждающее общение, я остался бы равнодушен к новой для меня науке — социологии, но что-то меня задело. Я стал задумываться...

Наше интервью по электронной почте проходило как обычный дружеский разговор: то ускоряясь, то затихая. Потому и длилось оно более года, и сказано было много. Сложился не только предлагаемый ниже текст, но часть материалов вошла лишь в интервью, опубликованное петербургском [журнале «Телескоп»](#).

Здравомыслов А. Г. «Социология как жизненное кредо»¹

На пути в социологию

Не мог бы ты для начала очертить круг своих научных интересов, как он складывался, как менялся?

Центральный вопрос моих исследований довольно прост. Почему люди ведут себя так, а не иначе? Я имею в виду не индивидуальное, а массовое, групповое поведение. Проще всего ответить: таковы их интересы! Но что такое интересы? Чем они определяются? Объективны они или субъективны? Что значит осознавать собственные интересы? Оказалось, что я наткнулся на одну из основных проблем социологической теории. Ей была посвящена моя кандидатская диссертация и первая книга [1].

Как видишь, в период самого первого приближения к социологии меня привлекали вопросы теоретического характера. Но дальше — после защиты кандидатской диссертации — началась работа в области эмпирической социологии. В 1960 году на философском факультете Ленинградского государственного университета была создана лаборатория социологических исследований. Открылась возможность ознакомиться с множеством человеческих жизней, причем в связи с главным вопросом — зачем люди работают? Испытывают ли они какое-либо удовлетворение от своей работы? От каких именно сторон ее? Как воспринимается заработок?

Выявились две кардинальные темы — отношение к труду (в массовом, приземленном варианте) и методические вопросы исследования. Первая тема имеет кардинальный, фундаментальный характер. Отношения в сфере производства, распределения и сбыта во многом формируют групповые потребности и способы их удовлетворения в массовом масштабе. На мой взгляд, это азбука социологического мышления.

Вторая тема — методология и процедура получения социологического знания. Здесь возникает вопрос о взаимодействии разных способов и уровней понимания действительности. С одной стороны — мир исследователей, с другой — рабочих, которые трудятся за зарплату и вместе с тем ищут удовлетворения в том, чем они заняты на производстве. Захотят ли рабочие откровенно разговаривать с нами? Это зависело от того, кем мы предстанем в их глазах. Отсюда еще один круг тем и те лекции, которые я впоследствии читал в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ), и известная тебе книжка «Методология и процедура социологических исследований» (1969) [2]. Впрочем, об этом крайне насыщенном и плодотворном периоде мы с Володией Ядовым многое сказали в новом издании книги «Человек и его работа в СССР и после» [3, с. 380–420].

Как видишь, теоретические интересы дополняются интересом к эмпирической социологии, а отсюда возникает потребность заниматься методологией и методикой социологических исследований.

Затем вновь возвращение к теории — это подготовка сборника (1) по современной социологии и работа над предисловием к нему (1968), и вновь эмпирия — изучение бюджетов времени работников партийного аппарата. Далее следуют вопросы социальной политики, теории власти, эмпирическое изучение отношения к власти — это уже в Институте марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС; социология партии, социология конфликта, опять эмпирическое изучение межнациональных конфликтов и разработка релятивистской теории нации, а сейчас — социология социологии, сравнительный анализ национальных социологических школ. Вот видишь, сколько

1 Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151–186

тематических слоев! При этом ни один из них не оказывается исчерпанным и полностью завершенным, так как они связаны друг с другом и, если угодно, питают друг друга.

Вернемся к началу... Не мог бы ты вспомнить, что привело тебя в философию?

Чтобы ни привело меня в философию – то есть на философский факультет ЛГУ, я сформировался как социолог. Это разные культурные ориентации и разные области деятельности, хотя сейчас в связи с тенденцией разрушения дисциплинарных границ, наблюдающейся во всем мире, социологи все в большей степени проявляют склонность заниматься проблемами философского характера. В этом я вижу определенную опасность именно для российской социологии. Только-только она утвердилась как самостоятельная дисциплина, и вот уже мы стремимся раствориться в вопросах широкого, философско-гносеологического характера. Но попытаюсь ответить по порядку.

Да, сначала кто ты, из какой семьи...

Я родился и вырос в русской интеллигентской семье. Мой отец был уже третьим человеком в роду, получившим высшее образование, причем и он, и его отец были выпускниками Петербургского университета; этот же университет окончили и я, и моя дочь. Сама моя фамилия говорит о происхождении из духовного сословия и о незаурядных способностях моего прадеда, который получил эту фамилию по окончании Новгородской духовной академии. Среди моих предков и родственников есть герои обороны Севастополя и 1854–1855, и 1941–1942 годов. Многие из моей родни сложили головы на полях русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Среди моих предков были князья и дворяне, крестьяне (в том числе крепостные), военные, вплоть до генерал-майора, священнослужители и разночинцы – почти вся Россия. Не было лишь крупных политических деятелей и потомственных представителей рабочего класса. Территориально моя ближайшая родня происходила из Питера и Новгорода, Боровичей, Воронежа, Харькова и Гудауты. Двое моих дядей закончили Военно-медицинскую академию и жили в Москве. Один из них был репрессирован в 1938 году и реабилитирован в 1954-м. В общем, все, как у многих.

Мои родители познакомились, будучи студентами Петроградского университета по историко-филологическому отделению. Отец, Григорий Иванович Здравомыслов (1898–1942), по окончании университета преподавал русскую литературу. Мама – Евдокия Васильевна, урожденная Красильникова (1902–1980), была учительницей русского языка и литературы в школе. Мама происходила из крестьянской семьи деревни Подберезье Новгородского уезда. Каждое лето родители отправляли нас с сестрой к бабушке Фене (Федосье Васильевне Красильниковой (1880?–1943)). Бабушка была малограмотной крестьянкой из бедноты. Домик, в котором она жила, располагался недалеко от станции, на перекрестке местных дорог. В нем часто останавливались гости. Бабушка была по-русски гостеприимной. Самовар был всегда наготове для прохожего и проезжего. Застолье складывалось, наверно, каждую неделю и обязательно с песнями. Бабушка была певунья, она знала все русские песни и, конечно, песни новгородской округи. Слушая их, а потом и подпевая взрослым, я погружался в состояние счастья. Особенно я любил «Ермака», «Уж как я еще молодухой была» (вариант с красным командиром), «Ты конек вороной, передай дорогой, что я честно погиб за рабочих».

Какое отношение это имеет к социологии? Моя гипотеза состоит в том, что с детства я жил в социально неоднородной среде и, возможно, это обстоятельство пробудило интерес и внимание к самым разным людям.

Родился я в 1928 году, и это означает, что 22 июня 1941 года мне исполнилось 13 лет. Как и у большинства сверстников, с началом войны закончилось мое детство.

Отец и маленький братец погибли от голода в блокаду. Бомба в 500 кг весом разрушила дом, в котором мы жили. Мы были эвакуированы из Ленинграда по льду Ладожского озера в феврале 1942 года. Но голод не прошел бесследно. Блокада оказалась вписанной в мое тело. С 1944-го по 1948 год я пролежал в больнице с туберкулезом позвоночника. Там я окончил школу и поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ: опыт болезни располагал к философствованию о смысле жизни. Память об отце была внутренним мотивом выбора. Он успел мне передать стремление к знаниям.

Жизнь в больнице в этом возрасте сильно усложняет нормальную социализацию. Начать с того, что мне пришлось заново учиться ходить, вначале на костылях, потом с палочкой и в корсете. В таком виде я и появился на факультете в начале 1949 года, во втором семестре. Выписавшись из больницы, я как бы получил доступ в нормальную, обыкновенную жизнь. Все в этой жизни было для меня ново, и я смотрел и смотрел вокруг, удивляя некоторых сокурсников (особенно сокурсниц) своим любопытством... Комплекс неполноценности мне удалось преодолеть к четвертому курсу.

Вкус к научной работе я впервые почувствовал благодаря семинару, которым руководила Зоя Михайловна Протасенко. Она поручила мне подготовить доклад о соотношении абстрактного и конкретного в марксистской философии. Я работал над темой с большим интересом, и доклад прошел успешно. К сожалению, я не сохранил этих записей, по наивности полагая, что все, что освоено и произнесено, будет храниться в памяти.

Что бы сейчас хотелось вспомнить о студенческих годах?

Еще до своей болезни в эвакуации я вступил в комсомол, поэтому присутствовал на всех комсомольских собраниях. На них обсуждали нетипичных, «девиантов»; их единогласно исключали из комсомола и, как следствие, лишали возможности продолжать учебу в университете. Самыми яркими ораторами были Володя Ядов, Инна Рывкина, Рой Медведев. В стройках ГЭС я не участвовал по состоянию здоровья, а именно там формировался актив. Интересно, что самой главной характеристикой студентов у нас была не учеба, а общественная работа, прежде всего, в комсомольской организации. Нашими активистами были Света Иконникова (Босенко), Володя Шаронов, Ира Попова, Иосиф Лейман. А Владик Бранский, с которым мы подружились, не избирался ни в какие комсомольские инстанции. Помимо философского факультета, он успел окончить и физический факультет. А в моей жизни огромную роль играл хор Ленинградского университета.

В отличие от значительной части моих сокурсников, в аспирантуру после окончания факультета я не попал (отчасти потому, что мне учеба за эти пять лет порядком поднадоела). И я, отдав пятый год обучения комсомольской работе на фабрике им. Желябова, после получения диплома поехал в Караганду. И комсомольская работа, и Караганда были своего рода продолжением учебы. Это может быть названо опытом включенного наблюдения.

В 1952 году мы поженились с Надей Афанасьевой. Она окончила исторический факультет и заведовала в райкоме комсомола отделом школ. Через нее я подружился с Сашей Горфункелем и его женой Розой Коваль. Он – медиевист, автор книги о Джордано Бруно и других потрясателях основ средневекового канонического мышления; она – искусствовед, работала тогда в Эрмитаже. Роза и Саша приобщали нас к поэзии и высокой культуре. Дни рождения и другие праздники мы проводили вместе. Нашими друзьями были также Юра и Нина Асеевы.

Работая в карагандинском Горном институте, я четко осознавал, что должен вернуться в Ленинград на кафедру философии в качестве аспиранта. За это время прошел XX съезд. На открытом партийном собрании я читал важнейший документ нашего времени – доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина и преодолении его

последствий (1956 г.).

В Караганде же произошло важное событие в семейной жизни – родилась дочь, которую мы называли Еленой (для себя – Аленой).

Как происходило твое вхождение в социологию?

Мое социологическое самоопределение – 1956–1960 годы – началось в аспирантуре. Надо сказать, что студенческий и аспирантский периоды очень резко отличались друг от друга. На факультет возвратились несколько репрессированных профессоров. Среди них Лазарь Осипович Резников, специалист по теории познания, и Моисей Вульфович Эмдин, читавший спецкурс по гегелевской философии. Из моих сверстников курс по современной зарубежной философии прекрасно читал Юрий Алексеевич Асеев. Лазарь Осипович посоветовал мне найти диссертационную тему, которая не была бы истасканной; она должна была стать своего рода точкой притяжения множества идей, но именно точкой, а не огромным пространством, в котором можно потеряться. И я такую тему нашел.

Как-то у нас выступал гость из Москвы – главный редактор журнала «Вопросы философии» М. Каммари. Он рассказывал о Международном социологическом конгрессе в Амстердаме, в котором он участвовал. Это было, по-видимому, также в 1956 году. Только здесь, в возрасте 28 лет, я впервые услышал слово «социология». Меня это заинтересовало – очень конкретная проблематика исследований в области трудовых отношений, культуры, сельского хозяйства и т.д. В конце концов я выбрал тему, оказавшуюся центральной для всей моей последующей научной деятельности, – анализ понятия «интерес» в истории социологической мысли, и в особенности в ранних работах К. Маркса. Позже я узнал, что Ю. Хабермас примерно в это же время написал одну из своих первых работ – «Интересы и познание».

Я начал штудировать Парсонса, разумеется, как буржуазного социолога. Здесь возник новый круг вопросов. Во-первых, о способе социологического мышления. Будучи студентом и аспирантом, я изучал марксистскую литературу и осваивал, соответственно, марксистский способ мышления. Советское общество строилось – или декларировало, что оно строится, – на основе марксистских идей. В то же время основоположники марксизма высказали такую мысль: «“Идея” неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от “интереса”» [6]. Это означало, что и в советском обществе интересы (чьи? – вот вопрос!) могут отделяться, вступать в противоречие с их идейным, идеологическим облачением. А в американском обществе? Почему Парсонс был при жизни признан классиком?

Но главное, что меня интересовало при изучении «Структуры социального действия» (1937), – само логическое построение теории: переход от клеточки социального действия к некоей совокупности, агрегату, а затем к системе с ее «структурами» и «функциями», статусными позициями и ролевыми предписаниями. В этом логическом построении особая роль отводилась концепции двойственной иерархии – от оснований социального действия с элементарными потребностями к смысловой интеграции на уровне культуры. Социальное действие как имеющее смысл связывает одного актора с другим через субстанцию культуры. В этом что-то есть! Но ведь что-то есть и в марксистской трактовке классов и классовой борьбы, и в идее практики как критерия истины и непосредственной реальности человеческого бытия, в концепции форм общественного сознания, их специфической роли в организации общества и в идее обратного воздействия этих форм на порождающие их причины.

Я рассуждал примерно следующим образом. В Америке Парсонса считают очень умным – он там ведущий и признанный теоретик. В чем же состоят основания этого о нем мнения? Способен ли я понять эти основания или, поскольку я воспитан на марксизме и живу в совершенно иной стране, – у нас разные способы мышления

и понять это невозможно? Вот задача, которую я решал для себя, изучая работы Макивера, Перри и Парсонса. Кстати, эти книги были в библиотеке Академии наук, и я пользовался ими без всяких дополнительных разрешений. Диссертацию на тему «Категория интереса в марксистской социологии» я защитил в январе 1960 года, и это было первым этапом моей социологической социализации.

В чем состояла главная идея диссертации? Дело в том, что вся марксистская философия и наука рассматривались как познание законов общественного развития, действующих объективно, «независимо от воли и сознания людей». Я же обосновывал необходимость обращения к реальным социальным интересам. При этом я доказывал, что именно так и мыслили классики марксизма. Таким образом обосновывалась необходимость обновить категориальный аппарат социологии. Моим научным руководителем был В.П. Рожин, продемонстрировавший мне максимум либеральных отношений между аспирантом и руководителем, оппонентами – А.Г. Ковалев и А.Г. Харчев. Выступали ведущие профессора факультета: В.П. Тугаринов, М.В. Эмдин, Л.О. Резников. И я отстоял свою позицию, опираясь на тексты, которые оппонентам, возможно, не были известны. Защита была бурной, она стала своего рода событием для факультета.

Моя первая книга «Проблема интереса в социологической теории», написанная на базе диссертации, вышла в издательстве ЛГУ в начале 1964 года (2). Для меня это было своего рода потрясением. Здорово! Я что-то там писал, думал, соображал – и вот тебе КНИГА! Она и моя, и уже не моя, ее может прочесть масса людей: интересное ощущение. Именно в этой книге была сформулирована мысль о социальных институтах как предмете социологии.

Социология и социализм

Думаю, что поколение российских социологов, к которому ты принадлежишь, многие годы допускало возможность улучшения советского социализма как системы. Что ты сейчас думаешь по этому поводу?

Социология – в самом общем виде – представляет собою знание об обществе. Это – главное. Но знание об обществе возникает из стремления сделать само общество и жизнь людей в нем лучше. Мое поколение – поколение шестидесятников. И я полагаю, что взгляды шестидесятников нельзя характеризовать как ошибочные. Через такие «ошибки» вообще творится история. Она вся состоит из попыток, которые не осуществляются, а реальный результат совершенно не совпадает с тем, о чем мечтали ее инициаторы и теоретики. Кроме того, история не закончена, будут еще отклонения и в ту, и в другую сторону. Наше время интересно потому, что мы оказались вовлеченными в исторические изломы. В общем-то, мы верили в возможности науки и стремились к тому, чтобы общество использовало полученные нами знания (3). Можно сказать, что мы (по крайней мере, некоторые из нас) были сознательными участниками этих изломов. Не в том смысле, что мы их планировали и осуществляли в соответствии с этими планами, а в том, что мы находили адекватный для себя ответ на изменение ситуации. Для меня таким ответом и стала социология. Удалось даже поучаствовать в создании профессии! На мой взгляд, это гораздо интереснее, чем участие в создании политической партии или общественной организации.

Не мог бы ты пояснить, в каком смысле выбор социологии как профессии был твоим ответом на вызов времени?

После смерти Сталина все отчетливее стала осознаваться ситуация идейного кризиса в стране, в обществе. Доклад Н.С. Хрущева 1956 года вызывал массу вопросов. В частности, репрессии по отношению к соратникам по партии были случайностью

или необходимостью? Можно ли называть общество социалистическим, если в нем происходят подобные вещи? В докладе излагались факты, не укладывавшиеся ни в какие теоретические конструкции. Значит, надо было самому думать! Речь шла, во-первых, о понимании жизни и способа мышления «простых людей», во-вторых, об изучении устойчивых социальных структур – как они там складываются изнутри, наконец, об изучении отношений в сфере институтов власти. Интуитивно я чувствовал, что именно здесь и надо искать ответы на возникшие вопросы. Социология и есть та область знания, в которой эти вопросы объединяются.

А можно спросить так: «В какой мере социология социалистична?»

В истории общественной мысли – европейской, по крайней мере, – социология всегда была ближе к социализму, чем к двум другим идеологическим направлениям XX века – либерализму и национальной идее. Это особенно чувствуется в Англии. Там был фабианский социализм, который стимулировал развитие социологии и оказал огромное воздействие на реформы лейбористов. И хотя г-жа Тэтчер предприняла контратаку на эти «вздорные идеи», многое вошло в плоть и кровь британского общества. Но это отнюдь не означает обязательной связи между социологией и социализмом. То, что верно для Англии, оказывается неверным для США и Германии. Дело в том, что для Франции и Великобритании классовая борьба была реальной практикой, определявшей состояние общества. Отсюда и популярность идей классовой солидарности и коллективизма.

США имели совсем другую историю становления общественного устройства. Главным моментом была иммиграция. Люди, переселявшиеся на новые земли, принимали это решение индивидуально, на свой страх и риск. Здесь общество изначально строилось из индивидов, в отличие от Европы, где общественно-значимые фигуры создавались обществом. Отсюда – иное видение общества, обязательств перед другими, даже непосредственного окружения – сельской или городской общины. Поэтому Чикагская школа в социологии возникает в контакте с философией прагматизма Джона Дьюи. Социология (в этом варианте) направлена на изучение индивида и его поведения в некоем социуме, тех решений, которые он принимает в новых жизненных ситуациях. Отсюда – важнейшая социологическая категория, введенная В. Томасом, – «определение ситуации». Заметь, не изучение общества как такового, а именно определение ситуации, на основе которого формируются жизненные ориентации личности в данных обстоятельствах.

Распространение марксизма и социализма началось было в Штатах в связи с ростом рабочего движения во времена Великой депрессии, но правящая элита оказалась достаточно гибкой, и Парсонс, в частности, работал в этом ключе. Он ведь не случайно исключил Маркса из числа социологов, на которых опиралась его теоретическая конструкция. (Есть среди них М. Вебер, А. Маршалл, В. Парето и даже Э. Дюркгейм, грешивший социализмом, – а вот Маркса нет!). Пример Америки (страны, где социология получила наибольшее признание) показывает вместе с тем, что полное доминирование одной идеологической ориентации в демократическом обществе невозможно. В США – наряду с либерально ориентированной социологией – имеются авторитетные исследователи марксистского направления, среди них наиболее заметные фигуры – А. Гуднер, Р. Миллс и Е. Райт. Гуднер и Миллс внесли весомый вклад в критику парсонсианства и методологию структурного функционализма. А Райт разработал методику изучения классовой структуры общества и применял эту методику в США и других странах.

Но, видимо, тебе действительно приходилось встречаться с упрощенным отношением к социализму?

Было бы странно не встречаться с упрощением. В теоретическом отношении Маркс и Энгельс опередили свое поколение на много десятилетий. Это значит, что все, кто клялся марксизмом после них, так или иначе упрощали их взгляды. Мало кто мог понять их во всем объеме и многообразии. И я в своей жизни общался не с Антонио Грамши – бесспорно признанным марксистом XX столетия, а с марксистами, так сказать, по должности, по статусу. Думаю, что из тех, с кем мне довелось общаться, ближе всех подошли к пониманию марксизма Лен Вячеславович Карпинский и Николай Иванович Лапин, а лучшим знатоком текстов Маркса и Энгельса является Георгий Александрович Багатурия. Он и сейчас – председатель международной комиссии по изданию полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (проект MEGA). Уже вышло 111 томов, предстоит издать еще около 80-ти. Цена каждого тома – около 200 долларов; все раскупается. Значительная часть – в Японии и Китае.

Из американских социологов назову, помимо знаменитого И. Валлерстайна, в числе наиболее последовательных мыслителей марксистского направления – Роберто Антонио (Университет Канзаса) и Лауренса Хацельрига (Флоридский университет).

В одной из недавних работ ты пишешь: «Наше поколение социологов – формировалось как поколение, несравненно более политически ангажированное, нежели поколения наших сверстников в более благополучных странах» [11, с. 8]. Не мог бы ты конкретизировать это утверждение?

Наше поколение – это поколение тех, чье детство было разрушено войной. И кто переживал победу своих отцов и старших братьев как свою собственную. Война на нашей территории носила, как известно, иной характер, чем на территории других стран (4). Переживание таких событий обостряет всю совокупность социальных чувств – и положительных, и отрицательных. В этом смысле я и говорю об ангажированности тех, кто избрал социологическую стезю. Среди социологов отмечу В.Н. Шубкина, В.Ж. Келле, С.А. Кугеля, А.А. Галкина, В.Д. Патрушева – участников Великой Отечественной войны (5). Ангажированность я понимаю не как догматическую приверженность идее, а скорее как стремление к активной позиции в дискуссии, к выработке своей точки зрения, например, в конкретных обстоятельствах 1960-х годов – по вопросу о размежевании социологии и исторического материализма.

О Марксе и марксизме

На рубеже 1950–1960-х в СССР проходила острая дискуссия о соотношении исторического материализма и социологии. Есть ли сегодня в России предпосылки для возобновления подобной дискуссии или это все в прошлом?

Я не вижу необходимости в возобновлении этой дискуссии. Тогда вопрос об историческом материализме был вопросом о методологических основаниях исследований, а ссылка на марксизм – решающим аргументом для обоснования их необходимости. Теперь запрет на социологические исследования снят. Российское государство отказалось от идеологии, хотя под шумок достаточно активно формируется комплекс архаических идей, которые оказывают определенное влияние и на характер преподавания социологии в некоторых вузах.

В научном мышлении и в методологии исследований утвердилась идея плюрализма. Даже само понятие социологии сейчас трактуется по-разному. Можно сходу дать два десятка определений, каждое из которых будет верным.

Часть российских социологов отказывается от марксизма, пытается проти-

вопоставить ему иные философские концепции. Что ты по этому поводу скажешь?

Геннадий Батыгин писал о марксизме: «Уходя корнями в интеллектуальную традицию Просвещения и обнаруживая глубокое сходство с великими социальными учениями XIX века, марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие “авторских” исследовательских программ и концепций, разрабатывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм – не столько доктрина, сколько эзотерический код, значения которого зависели от интерпретативной позиции автора. Этот код мог успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей» [13].

Но ты прав, в российских вузах это пока еще не усвоено. Марксизм входит в комплекс тех понятий, которые вызывают страх до дрожи в коленках. Тут есть такие «идеологические борцы» против марксизма, которые всех перепугали. Прием, который они используют, состоит в создании букета страшных слов и понятий: большевизм, ГУЛАГ, КПСС, русская интеллигенция, революция, гражданская война. Многие из названного на самом деле страшно, но я надеюсь, что главные страхи ушли в прошлое, причем необратимо, как каннибальство и сожжение ведьм на кострах. Сейчас опасности и страхи несколько иные. Но, к сожалению, во многих культурах еще сохраняется жестокость и насилие над телом как атрибут повседневности.

Маркс создал каркас социологического знания (6), который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять много.

Но и марксизмов на самом деле много. Мы учились во времена упрощенной версии марксизма образца 1938 года. Правда, многие потом доучивались. Мне, как марксисту, удалось организовать даже международный симпозиум о марксизме.

Да, марксизмов много. Что бы ты мог сказать о твоём личном марксизме?

Я социолог, опирающийся на Маркса, Парсонса, Вебера, Мертона, Дарендорфа, знакомый с идеями феноменологической социологии, символического интеракционизма и драматургической социологии. С Парсонсом были дружеские отношения, пока не «похолодало» на международной арене. С Мертоном встречался три раза. Всех этих мыслителей очень уважаю и знаю, за что именно я их ценю. Все-таки одна из главных моих книг 1990-х годов – «Социология конфликта» [14].

В общем, я согласен с Дарендорфом в оценке взглядов Маркса. Это была социология XIX века – социология эпохи противостояния классов в Европе. А после первой мировой войны общество (европейское) стало изменяться так, что тот аппарат понимания, который был создан Марксом и который имел очень большое практическое применение прежде всего в России – в качестве ленинизма, – уже не мог работать в масштабе европейской истории. Политика Рузвельта, обеспечившая выход из Великой депрессии в США, стала практическим доказательством возможности сотрудничества классов. В США и Европе были созданы институты регулирования классовых и иных конфликтов, которые имели практическое значение. В том числе и институт изучения общественного мнения, которым ты занимаешься.

А в Германии марксизм потерпел поражение в столкновении с открытым животным национаизмом.

Социология как профессия и как жизненное кредо

Выше был обозначен первый этап твоей социологической деятельности – вхождение в социологию. Как все развивалось дальше?

Второй этап – работа в социологической лаборатории – достаточно подробно описан мной и Володей Ядовым [4, с. 380–420]. Расскажу здесь о некоторых малоизвестных моментах.

В лаборатории, в значительной мере благодаря Володе, а также общей атмосфере в университете и стране, сложилась замечательная творческая обстановка. Общее коллективное дело и личные интересы переплетались. Хорошо помню Бориса Орнатского, который был талантливым интервьюером. Он запоминал нестандартные фразы респондентов и умел интересно рассказать о них. Вера Николаевна Каюрова создавала обстановку спокойствия и упорядоченности всего дела. До нашей лаборатории она работала в библиотеке, и для нее каждая принесенная анкета обладала ценностью книги. Вера Водзинская и Аза Киссель занимались вопросами социологии молодежи и образования. Чуть позже, на этапе анализа данных, в работу включились Сергей Голод и Галя Саганенко.

Володя был организатором-инициатором. Он придумал, что главной формой нашей работы должны стать семинары, которые проводились еженедельно, особенно на этапе разработки методики. И часто, когда работа замедлялась или что-то шло не так, как ему казалось правильным, он взрывался, терял самообладание. В этом случае я должен был брать на себя восстановление нормальной ситуации. Эти мелкие конфликты никогда не были озлобленными. Все понимали друг друга, осознавали, что у каждого есть и личные недостатки, и незаменимые достоинства.

Тематика лаборатории формировалась вокруг проблем социологии труда. После публикации статьи Г. Пруденского о бюджете времени мы загорелись идеей фотографии бюджета времени ленинградских рабочих. Этот этап подробно описан [15]. Когда подготовка публикации была завершена, у нас с Ядовым возникла тема отношения к труду молодых рабочих Ленинграда.

В числе прочих работ я перевел книгу Гуда и Хатта «Методы социального исследования» (этот учебник приобрел Игорь Кон и передал нам). Каждую из глав мы обсуждали на семинарах. Особенно много времени уделяли вопросам выборки и проверке достоверности ответов респондентов. К сожалению, все экземпляры рукописи после смерти Веры Николаевны оказались утерянными. Мы не придавали должного значения той работе, которую делали. Все у нас было открыто для всех. А лаборатория, располагавшаяся в одной из комнат Меншиковского дворца, была центром паломничества. Откуда только не приезжали к нам коллеги – из Москвы и Перми, Софии и Варшавы, Лодзи и Нью-Йорка, Парижа и Праги, Новосибирска и Тбилиси...

Естественно, вы были первыми...

Особенно запомнился визит пяти профессоров из США в мае 1961 года. Прибыли к нам в Меншиковский дворец Генри Рикен (National Science Foundation, Washington, DC), Дональд Маркис (Massachusetts Institute of Technology), Ралф Тайлер (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, Stanford, California), Анатолий Рапопорт (Mental Health Research Institute, University of Michigan, Ann Arbor) и сам Роберт Мертон (Columbia University, New York).

Рикен рассказывал о четырех уровнях социологических исследований, а Мертон прочел обстоятельную лекцию по социологии науки. Стратификация и социология организации были центральными направлениями исследований в американской социологии того времени. Социологов тогда насчитывалось в США около 5 тысяч, а у нас – меньше 50 человек на всю страну.

Мы тоже сумели представить наш проект исследования отношения к труду рабочей молодежи, собственные методические разработки и некоторые результаты. Таким образом, американские коллеги убедились, что в Советском Союзе в начале

1960-х годов была не только идеология, но и социология — стремление увидеть жизнь с точки зрения «обычного человека» (7).

...возвратимся к лаборатории?

Да, конечно. В 1963–1964 году группа молодых ученых Ленинградского университета была приглашена на стажировку в США и Великобританию. В эту группу с нашего факультета вошли В.А. Ядов (в Англию) и Ю.А. Асеев (в США). Для них это был первый выезд за границу на длительный срок.

В том же году в Ленинград приехал Толкотт Парсонс. Наше знакомство началось с того, что он позвонил мне по домашнему телефону и спросил своим характерным с хрипотцой голосом: «May I talk to Professor Zdravomyslov?». Я ответил «That's me». — «I am Professor Parsons. I am in Leningrad. Do you want to see me?». Мы встретились с ним и его женой Хелен в «Астории». Побеседовали об исследовательских перспективах в социологии. Парсонс подарил мне свой двухтомник «Theories of society» и пригласил на прием, который в его честь давало американское представительство в Ленинграде.

В этот приезд он выступил с лекцией на философском факультете перед большой аудиторией, а я его переводил, что для меня было первым, и довольно удачным, как мне кажется, опытом такого рода (перевод был последовательный, а не синхронный).

Почти весь 1964 год я руководил лабораторией самостоятельно — Ядов был на стажировке в Англии. За этот год были практически получены первые результаты исследований, подготовлена серия публикаций — прежде всего, в осиповском сборнике «Социология в СССР» [16] и сборнике Г. Глезермана (АОН при ЦК КПСС) [17].

В середине того же года Министерство высшего образования предложило мне преподавать общественные науки в одной из африканских стран на английском языке. Оказалось, что меня ожидают в Кении. Конечно, я согласился. При этом тайная мысль состояла и в том, что я-то еду не учиться, а учить!

Во всяком случае, второй этап моей социологической деятельности подходил к концу. В начале 1966 года я вернулся из Кении и обнаружил, что наш труд «Человек и его работа» уже находится в издательстве «Мысль». Книга вышла в 1967 году при поддержке Н.И. Лапина. Должен сказать, что если бы не целеустремленность Володи, то «Человек и его работа» никогда бы не была опубликована.

А как, из чего произросла ее идея?

Конечно, можно было бы сказать, что весь этот проект возник «из ничего», как ты говоришь про Грушина [18]. Более того, можно сказать, что он возник «из ничего» при помощи Гуда и Хатта! Но с этим я не могу согласиться. Что дали нам Гуд и Хатт? Вооружили нас методами, то есть грамотными средствами реализации идей, которые сформировались у нас самих. Эти идеи были подготовлены нашим предшествующим образованием, они выкристаллизовались в качестве некоего сухого остатка из того, чему мы учились на факультете, а усваивали мы определенную версию марксизма.

Кроме того, наши исходные установки — сопоставить идеи и социальную реальность — были результатом влияния культуры, пульсировавшей в обществе, результатом жизни в той духовной атмосфере, которая была связана с «оттепелью», с возникновением первых ростков свободы мысли (не случайно В. Ядов в интервью [15], по сути дела, рассказывает о своем превращении из «хунвейбина» в «либерала»). Каждую из наших публикаций мы тщательно выверяли на соответствие этой духовной атмосфере. Я убежден, что и Зиновьев, и Грушин, да и Мамардашвили, на слова которого ты ссылаешься [18], произошли из атмосферы «оттепели». Только поняв этот момент, можно продолжать дискуссию о традициях. Возникла ли «оттепель» как феномен культуры из ничего или у нее были некие культурные предпосылки в российской истории? Это, Боря, самый главный вопрос! Для того чтобы на него

ответить, необходимо проанализировать духовную атмосферу того времени и показать ее связь с движением наших чувств и мыслей. Такое исследование в области исторической социологии крайне необходимо. Возможно, что ты в своих интервью уже наткнулся на эту тему.

Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь, но все же сохранился некий культурный капитал, который передается и осваивается вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности. Это сохранение капитала не институционализировано, оно, если угодно, невидимо и выражено в краткой и загадочной формуле М. Булгакова «Рукописи не горят!».

А что касается наших помыслов, то они всегда были направлены на обоснование социальных изменений, главным образом, на макроуровне. Борис Андреевич Грушин как-то сказал, что мы сделали больше для изменения советского общества, чем диссиденты. С этим, конечно, не все согласятся, но факт состоит в том, что в 1960-е годы был создан резерв перестройки, который был «отодвинут» во время застойного периода, и вновь востребован в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Разумеется, наш проект не связывался ни с революцией, ни с реваншем по отношению к прошлому.

Вернемся к основной теме?

В 1966 году я участвовал в VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция). Мы с Ядовым поехали туда с докладом о нашей работе в исследовательском комитете по социологии труда (8). Но помимо этого выступления произошли еще некоторые интересные события. Т. Парсонс, встретив меня на конгрессе, предложил мне выступить на дополнительном заседании по проблемам сравнительных исследований. К этому времени нами был накоплен опыт обсуждения этой проблематики с проф. Ф. Херцбергом, о чем я, по-видимому, рассказывал Парсонсу еще в Ленинграде. Я разыскиваю Ядова, он дает согласие на мое выступление, и только после этого я соглашаюсь. Выступление проходит успешно, меня провожают аплодисментами. Это вызывает крайнее неудовольствие у одной дамы из Института философии, специализировавшейся на критике буржуазной социологии. Она докладывает начальству (глава делегации – П.Н. Федосеев). К счастью, на этом выступлении присутствовали еще два человека из нашей делегации – Г.М. Андреева и Н.В. Новиков; они владели английским и уверили руководство, что «от марксизма я не отступил», а аплодисменты заработал за форму подачи материала.

Примерно в это же время в Ленинградском университете возникает идея объединения социологических, экономических, психологических, юридических и других групп в едином Институте. Сама по себе идея неплохая, но вокруг нее возникают какие-то новые люди, которые претендуют на руководящие позиции. А Г.В. Осипов приглашает меня на работу в Институт философии, имея в виду, что скоро будет организован Институт конкретных социальных исследований. Работа над нашей книгой завершилась, и мы с Володей обсуждаем перспективы дальнейшей работы. Он решает заняться социальной психологией. Я полагаю, что все шансы для развития социологии надо использовать до конца. Так я расстаюсь с лабораторией, в которой проработал шесть лет и принимаю предложение Осипова и Левады.

Переходим к третьему этапу?

В том же 1966 году меня активно приглашают в Ленинградскую высшую партийную школу заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии. Место расположения – Таврический дворец. Я провожу серию консультаций со

своими коллегами – В.А. Ядовым, Ю.А. Левадой, Г.В. Осиповым. Принципиальных возражений не слышу. Более того, за мной сохраняется полставки в АН (что сыграло в дальнейшем очень важную роль). И все же я выдвигаю перед партийными инстанциями одно условие – создание социологической лаборатории по изучению внутрипартийной работы. Ну, раз договорились, там не обманывают. В эту лабораторию я пригласил Ларису Абрамову и тебя. Попытался взять и Юрия Алексеевича Асеева (9), уже заявление представил, анкету. Но это оказалось выше моих возможностей. За эту попытку я получил первый реприманд от обкома партии.

Этими силами с помощью слушателей ЛВПШ мы проводили сравнительное исследование бюджетов рабочего времени работников районных комитетов Ленинградской партийной организации. Естественно, что столь деликатная работа курировалась орготделом Ленинградского ОК КПСС (Б.К. Алексеев). А поскольку за мной сохранялись определенные позиции в ИКСИ АН, то мне удалось привлечь к работе Олега Божкова (10), Наталью Часову (ныне Дадали) и Тамару Абиссову. Эта группа – ленинградская часть сектора методики и техники социологических исследований ИКСИ АН – занималась сбором методической документации в социологических учреждениях и группах, которые в это время создавались по всей стране с удивительной быстротой.

Это что, возникает еще один круг научных интересов или тема?

Да, я об этом говорил – еще один круг... Меня интересовало, как складывается мышление тех людей, которые приходят через сито доступа в ряды партийных и советских функционеров. Этот интерес вытекал из определенных теоретических посылок; они были сформулированы мною в докладе о понимании бюрократии в марксизме.

Стоит рассказать еще об одном эпизоде в этот период. Отдел пропаганды ЦК КПСС включил меня в группу, занимавшуюся изучением идеологической работы в Ленинграде и Пензе. Я предложил провести опрос шести профессиональных групп на базе районированной выборки по разработанной мною анкете. Опрос проводился местным активом из числа слушателей вечерних университетов марксизма-ленинизма. В результате я получил уникальные данные о состоянии массового политического сознания, которое весьма сильно модифицировалось в зависимости от профессиональной независимой переменной. Главные выводы исследования были сформулированы в ротапринтной книжке «Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности» [19]. Суть их состояла в следующем. Во-первых, уровень пропаганды – по изученным данным – был явно занижен в сравнении с уровнем развития массового сознания: во-вторых, мне удалось выделить четыре типа сознания, обозначенные как «неразвитое сознание», «стереотипизированное сознание», «скрытое сознание» и «критическое сознание». Предлагалось обратить внимание на следующую совокупность характеристик современного мышления – конкретность, стремление получить первичную информацию, известный скептицизм в отношении к предвзятой точке зрения и навязываемым оценкам фактов. Книжка была издана тиражом 100 экземпляров. На титуле стояли три организации: Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, Советская социологическая ассоциация и Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Каждый экземпляр имел номер. Через несколько дней после того, как я получил авторский экземпляр, мне позвонил ответственный партийный работник из аппарата ЦК и сообщил, что все экземпляры книги должны быть собраны и сданы в первый отдел. Тираж подлежит уничтожению... На мои недоуменные вопросы объяснений не последовало. За то время, которое прошло между поступлением книги и звонком, я успел послать один экземпляр с небольшой припиской секретарю ЦК КПСС

Демичеву. Несколько позже инструктор горкома партии пригласил меня к себе и разъяснил, что я таким образом выразил недоверие партийному аппарату.

В 1969 году на основе курса лекций для слушателей ЛВНШ я издал книгу «Методология и процедура социологических исследований» [20]. Там была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в тридцатые годы! Б.К. Алексеев попросил меня сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о моем отстранении от этой деятельности. Сама группа в полном составе переходила под начало Б.М. Фирсова. Отдел науки предложил мне на выбор: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вновь вернуться в Академию наук, в ИКСИ, которым тогда руководил А.М. Румянцев (11). Я выбрал второй вариант.

Это все было в преддверии защиты докторской диссертации?

Нет, докторскую я написал и защитил, будучи именно заведующим кафедрой ЛВПШ. Эта позиция требовала более высокого научного статуса, чем кандидат наук. Защита проходила в Москве, в АОН при ЦК КПСС, на Садово-Кудринской. Тема докторской диссертации была сформулирована так: «Теоретические и методологические проблемы изучения социальных интересов». Председательствовал проректор этого почетного по тем временам учреждения – Григорий Ефимович Глезерман. Оппонентами были Владислав Жанович Келле, Юрий Александрович Замошкин, Александр Федорович Окулов. Моя интерпретация понятия «интерес» существенно отличалась от той, которую давал председатель ученого совета в своих публикациях. Я в гораздо большей мере подчеркивал субъективный аспект этой категории, что позволяло связать проблематику интереса с вопросами изучения мотивации поведения, исследованием ценностных ориентаций.

Следующий этап начался с возвращения в ИКСИ на должность руководителя сектора методики и техники социологических исследований. Здесь моими сотрудниками были Ольга Михайловна Маслова, Елена Серафимовна Петренко, Елена Христофоровна Нерсесова, Владимир Эммануилович Шляпентох. Две первые женщины – ныне известные специалисты – были тогда начинающими исследователями. В.Э. Шляпентох – автор известной тогда книги «Социология для всех» и страстный полемист – был самовлюбленным зубром, с которым у нас сложились дружеские отношения. В коллективе был и свой «пьющий», и иные преходящие персоны.

По возвращении в Институт я был одержим безумной идеей. Я предполагал, что наш опыт изучения отношения к труду рабочей молодежи может быть распространен и на иные области социологической деятельности. Для этого нужно было создать хорошую методическую базу в виде набора стандартных методик, которые следовало включать во все опросы, проводимые в институте. Такого рода деятельность и должна была составлять главную задачу сектора методики и техники социологических исследований. На словах эта идея не встречала сопротивления, но по сути дела, как мне вскоре объяснил В.Н. Шубкин, это означало покушение на самостоятельность тех групп, которые занимаются содержательной стороной дела. Вместе с тем, сама идея социальных показателей в принципе не была отвергнута и нашла продолжение в деятельности Института и после моего ухода. Кстати, именно к этому периоду относится и публикация нашей с тобой статьи «Альтернативная оценка структурных элементов рабочей ситуации» [21], содержащая описание методики, которую я предложил в «Человеке и его работе». Это одна из моих самых любимых методических находок, а ты ее оснастил более сложным математическим аппаратом.

Другое направление моей теоретической деятельности в этот период оказалось более продуктивным. Оно было связано со стремлением найти основные типы образа

жизни людей в рамках советского общества. Ранее я пришел к выводу, что далеко не все взрослое население страны разделяло «идеалы социализма и строительства коммунистического общества». Большая часть людей жила вне идеологических интересов и установок. Но столь прямая формулировка вряд ли могла быть принята. Чем же тогда жили люди? Для ответа на этот вопрос надо было использовать понятие образа жизни, но наполнить его не идеологическим, а социологическим содержанием. Я взял за основу те данные, которые были получены в «Человеке и его работе». В результате выявились следующие устойчивые ориентации: на учебу, на общественную работу, на работу на производстве, на семью, на дополнительный заработок [4, с. 215]. Я осуществил некоторую методологическую процедуру, которую можно назвать реалистической генерализацией, и выдвинул тезис о наличии в советском обществе четырех основных типов образа жизни, связанных с: доминированием производственных интересов, доминированием семьи, доминированием индивидуальных способностей и отсутствием какого-либо доминирующего начала просто в силу неразвитости интересов и незрелости личности [22].

Вскоре после моего возвращения в институт А.М. Румянцев был снят с директорского поста. На какое-то время и.о. директора стал Н.И. Лапин. В ЦК на этот пост рассматривались несколько кандидатур, в числе которых был и и.о. заведующего Отделом идеологической работы Г.Л. Смирнов. Это была наиболее подходящая кандидатура. К этому времени Смирнов опубликовал книгу «Советский человек», в которой широко использовались данные социологов и приводились ссылки на Г.М. Андрееву, И. Кона, нас с Володей и других наших коллег. Но скрытый «тендер» на должность директора выиграл заведующий кафедрой философии Свердловского университета М.Н. Руткевич.

Однажды – в самом начале своей административной практики – М.Н. Руткевич пригласил Ядова и меня к себе домой. Его супруга приготовила прекрасный обед. Михаил Николаевич повел разговор о том, что хорошо было бы нам втроем написать учебник по социологии, в котором так нуждается страна. Мы обещали подумать, и через пару дней сказали, что такой учебник должен быть создан более широким коллективом с участием Г.М. Андреевой, Б.А. Грушина, Ю.А. Левады, Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова и еще некоторых авторов из числа тех, кто, по сути, и составлял в то время советскую социологию. Руткевича такая позиция не устраивала, поскольку большая часть предложенных нами кандидатур была намечена к увольнению. Этот отказ оставил глубокий след в наших отношениях, что в конце концов выразилось и в моем уходе из Института.

Положение мое осложнялось тем, что, будучи заведующим сектором института АН, я оставался прописанным в Ленинграде, и в Москве жил «на птичьих правах». Семью к этому времени я покинул и вступил в брак во второй раз. Все мои разговоры с новым директором упирались в тупик. «У вас же есть квартира в Ленинграде, – говорил он. – Вы ее разменяйте и приобретите жилье в Москве». Для меня это было неприемлемо. И тут...

...начался пятый этап – работа в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

На одном из заседаний ученого совета сомно рядом оказался один из сотрудников ИМЛ. Он ко мне наклонился и сказал: «Не хочешь ли ты, Андрей, перейти на работу в Институт марксизма-ленинизма?». Мне и раньше поступали такие предложения, но я на них не реагировал, а сейчас решил не дожидаться, пока Руткевич меня выгонит вслед за Левадой, Шубкиным, Лапиным и другими, а уйти с минимальными потерями. И началась операция по моему переходу в ИМЛ на должность старшего научного сотрудника (главным условием ее успешного проведения было то, чтобы этот план остался в тайне от Руткевича).

Пожалуй, теперь надо рассказать о том, что такое ИМЛ, работа в котором заняла у меня 17 лет жизни... ИМЛ создавался как теоретический центр КПСС. В 1970-е годы явной функцией этого учреждения был контроль идеологической работы в стране, прежде всего, в той части, которая касалась публикаций произведений Маркса, Энгельса, Ленина; разработка вопросов социальной политики партии (именно по этой проблематике я работал до начала 1980-х годов), поддержание контактов с исследовательскими учреждениями внутри страны и за рубежом. Латентная же функция этого учреждения, насколько я это понимаю теперь, состояла в обезличивании интеллектуальной деятельности, в производстве «научных текстов» которые не подвергались бы сомнениям, могли бы выдаваться за абсолютную истину.

Парадокс состоял в том, что и Маркс, и Энгельс, и Ленин мыслили и писали свободно, глубоко индивидуально, а ИМЛ был призван быть «органом коллективного разума партии», выполнявшим в основном охранные функции по соблюдению «чистоты» учения.

После Академии наук это было нелегко?

Оказаться в таком учреждении, будучи сложившимся и признанным социологом, означало принять на себя нелегкую ношу. Но у меня здесь был прозаический интерес: не возвращаться в Ленинград и не отправляться в какой-либо иной город. ИМЛ в лице его директора, академика и члена ЦК КПСС А.Г. Егорова, обещал решить вопрос с квартирой и пропиской в Москве; ровно через год – своего рода испытательный срок – это обещание было выполнено.

Расставание с сектором было психологически трудным. В социологии я чувствовал себя на своем месте. В ИМЛ я оказался в чуждой мне среде. Меня там долгое время пытались «воспитывать»; главным средством воспитания были избраны анонимные письма, поступающие в дирекцию, в отделы ЦК КПСС, в которых прямо оспаривалось решение дирекции о приеме меня на работу в столь «ответственное партийное учреждение». Выискивались тексты, в которых моя скромная персона «отступала от принципов марксизма-ленинизма» и от утверждения перспектив построения общества социальной однородности. А в личном плане я не соответствовал критериям сотрудника этого учреждения хотя бы потому, что «Здравомыслов дружил со Шляпентохом», который к тому времени уже (увы) уехал в США.

Зная об этой ситуации, меня принял под свою опеку Отдел пропаганды ЦК КПСС. Думаю, что инициатива исходила от Г.Л. Смирнова и В.Ф. Правоторова, которым я благодарен по жизни. После этого страсти вокруг меня несколько улеглись, хотя про мои отношения со Шляпентохом вспоминали вплоть до самой перестройки.

Какие темы ты исследовал в ИМЛ?

На первом этапе «моей делянкой» была проблематика социальной политики. Тогда мне удалось найти новый подход к социальной дифференциации в советском обществе. Он опирался не на идею собственности на средства производства, не на идею статусной дифференциации в рамках производства и вне его, а на уровень развития и характер потребностей во вновь создаваемых благах. Можно сказать, что в ходе работы над этой темой я сформулировал «закон социального структурирования потребностей», который применим не только к плановой системе хозяйствования, но и к рыночным отношениям. Эта теоретическая конструкция была опубликована мною в книге «Потребности, интересы, ценности» [23].

В этой книге мне удалось обосновать целый ряд социологически значимых идей. Центральной была идея тройственной детерминации социального действия. Вслед за Т. Парсонсом многие социологи утверждают, что социальное действие определяется смыслом, который заложен в культуре и который обнаруживается в

мотивации социального действия и в выборе альтернатив, предлагаемых определенной ситуацией. Я же обратил внимание на триаду категорий, детерминирующих социальное действие. Потребности и интересы взаимодействуют друг с другом на разных уровнях (индивида, группы, социума, общества), но лишь достигая ценностного выражения, превращаются в активные детерминанты социального действия. Эта теоретическая конструкция была мною предложена как ориентир для социологии вообще и для советской социологии в частности в статье «Социология: проблемы и перспективы», опубликованной в «Правде» (23.09.1983) и несколько позже в названной монографии «Потребности. Интересы. Ценности».

Возможно, что с разработкой этих категорий связаны перспективы развития социологической теории и на современном этапе. В теоретическом плане я расцениваю эту книгу как мой главный итог работы в качестве старшего научного сотрудника ИМЛ. Возможно, что сейчас надо было бы эту книгу переработать, но, как это ни странно, не столь существенно, как это могло бы представиться.

Это что, главный итог за 17 лет?

Видишь ли, после выхода моей предыдущей книги [2] прошло почти двадцать лет... как хочешь, так и оценивай. Кроме того, было несколько статей в центральной прессе и солидных коллективных трудов.

Но дело в том, что работа в ИМЛ представляла собою почти ежедневное поле боя. Но я оставался в социологии и пытался использовать свои позиции в ИМЛ в интересах социологического дела.

Можно пояснить примерами?

Расскажу о нескольких эпизодах такого рода.

Эпизод первый — о несостоявшемся «учении Л.И. Брежнева как методологической основе советской социологии». Это было связано с публикацией в журнале «Социологические исследования» установочной статьи одного из сотрудников ИКСИ, посвященной преемственности в советской социологии [24]. Нынешние социологи — в особенности Р.В. Рывкина — обвинялись в отходе от традиции, якобы заложенной в конце 1960-х годов в публикациях Д.М. Чеснокова, в то время ректора АОН при ЦК КПСС, который на самом деле занимал активную антисоциологическую позицию. Другая причина — недостаточное внимание к трудам Маркса, Ленина и Брежнева (!), которые должны служить советским социологам в качестве методологического ориентира.

Статья была опубликована за подписью В. Староверова без обсуждения на редколлегии. Но ее автор был членом редколлегии журнала и даже, кажется, заместителем главного редактора. Несменяемым главным редактором «Социологических исследований» с 1974 года был А.Г. Харчев. Я также был с этого времени членом редколлегии и, следовательно, нес определенную долю ответственности за то, что публикуется в журнале. Куратором социологических изданий от отдела науки ЦК партии был Григорий Григорьевич Квасов — инструктор, а затем консультант этого отдела, а также член редколлегии.

Публикация статьи вызвала у меня возмущение. Я позвонил Квасову и спросил его, каким образом статья Староверова оказалась опубликованной без обсуждения на редколлегии. Квасов ответил, что он впервые слышит о такой статье. Это позволило мне достаточно настойчиво попросить провести специальное заседание редколлегии с тем, чтобы все могли высказаться по поводу содержания статьи и по поводу самого факта публикации. Заседание состоялось 3 мая 1982 года и проходило в течение нескольких часов. В числе прочего я, собравшись с духом, сказал, что «до сих пор нам было известно учение Маркса и Ленина, а теперь, оказывается, есть еще и учение Брежнева,

такой поворот дела мне представляется ничем не оправданным». Естественно, что Т.И. Заславская выступила в поддержку и высказала тезис о моральной нечистоплотности автора. Ф.Н. Момджян порекомендовал Староверову немедленно подать заявление о выходе из состава редколлегии, поскольку он воспользовался служебным положением для сведения личных счетов. А.Г. Харчев и М.Н. Руткевич заняли противоположную позицию. Было принято решение о публикации этого обсуждения в ближайшем номере журнала (это так и не было выполнено!), а меня в декабре 1982 года вывели из состава редколлегии в связи с ротацией!

Второй эпизод – это борьба за пост президента Советской социологической ассоциации (ССА). Первым президентом ССА был Ю.П. Францев. Он был членом ЦК КПСС и ректором АОН при ЦК КПСС. Выбор Францева на этот пост свидетельствовал о том, что «самые верхи» (в лице М.А. Сулова) отнеслись к задачам ССА весьма серьезно. Францев постарался передать этот пост своему воспитаннику – Г.В. Осипову. Третьим президентом стал Феликс Нишанович Момджян – дипломат в среде партийной бюрократии, «воспитатель» большой когорты выпускников Академии общественных наук, прошедших через аспирантуру кафедры философии АОН, которой он заведовал. Институционально социология благодаря назначению Момджяна вновь возвращалась под опеку АОН, хотя уровень заведующего кафедрой был гораздо ниже, чем уровень ректора. Расскажу, как решался вопрос о четвертом президенте.

Ситуация, как она мне представлялась, была такова: согласно Уставу ССА готовилось перевыборное собрание. Ф.Н. Момджян не стремился покинуть этот пост, и у него были достаточно сильные позиции в Отделе науки ЦК КПСС. Ясно, что Феликс Нишанович не был профессиональным социологом. Это снижало статус советской социологии на международных встречах. В лучшем случае его можно было считать историком общественной мысли и достаточно тонким дипломатом, что в какой-то мере компенсировало недостаток профессионализма. Так, в августе 1981 года он впервые организовал заседание Исполкома МСА на территории Советского Союза. Оно проходило в Тбилиси и оставило замечательные воспоминания у его участников благодаря подлинному грузинскому гостеприимству.

Другим реальным претендентом на пост президента ССА был директор ИСИ АН СССР (он получил эту должность во время краткого правления Ю.В. Андропова) – Вилен Николаевич Иванов, которого поддерживала своего рода институтская группировка. Иванов продолжал традицию «Руткевич-Рябушкин».

К этому времени Ядов, Левада, Осипов, Шубкин не располагали достаточным авторитетом ни внутри страны, ни за рубежом для выдвижения их на этот пост. Моя кандидатура также была непроходной. Но нужный человек – и утвердившийся именно в социологии – уже был! Т.И. Заславская – академик АН СССР, которая обладала и весьма высоким профессиональным и личностным авторитетом. Оставалось: 1) убедить Татьяну Ивановну в необходимости такого шага и, соответственно, переезда из Новосибирска в Москву; 2) убедить инстанции, что при любом ином решении вопроса социология проиграет, и это отразится на международном авторитете страны. В конце концов – после ряда совещаний в Отделе науки ЦК КПСС – избрание Т.И. Заславской состоялось. Это произошло 26 ноября 1986 года. Борьба за это, по моей прикидке, велась около трех лет. Поскольку моя позиция была открытой, то ясно, что на протяжении этого времени я подвергался нападкам по разным линиям, некоторые из них для меня так и остались неизвестными.

За несколько месяцев до этого избрания, в августе 1986 года, состоялся очередной конгресс МСА (в Индии, в Нью-Дели). В то время действовали еще старые механизмы формирования делегации. Официальным руководителем делегации назначили В.Н. Иванова – в качестве директора Института (Т.И. Заславская и Г.В. Осипов

не поехали в Индию). Делегация должна была руководствоваться специальной инструкцией ЦК, главный пункт ее – провести в состав Исполкома МСА Г.В. Осипова.

Я был занят на сессии, посвященной проблеме направленности социальных изменений, которую вел вместе с У. Химмельстрандом, и в оргвопросы не вмешивался. Наша сессия прошла в огромной аудитории что называется «на ура». И как только я вышел в фойе, преисполненный радостных чувств от удачного мероприятия, на меня налетел В. Иванов: «Что вы наделали? Вы сорвали выполнение инструкции ЦК КПСС!». Честно говоря, я опешил. Оказывается, одновременно с сессией проходило заседание Национального совета МСА, на котором в состав Исполкома этой организации кем-то из участников Совета была выдвинута кандидатура Т.И. Заславской: она и получила поддержку большинства. Иванов же решил, что это результат моей закулисной деятельности. Такого рода обвинения в то время были чреватые серьезными последствиями... Но я их отверг с порога и постарался незамедлительно придать дело огласке.

«Партия Иванова» отплатила мне весьма изощренным способом: при выборах в состав правления Советской социологической ассоциации ряд кандидатур не получил проходного количества голосов, в их числе оказался и я. Это был, пожалуй, один из самых сильных ударов по моему самолюбию.

Я был там и помню тебя в тот момент... но что-нибудь радостное было?

К числу таких событий отношу организацию и проведение симпозиума на VII Международном социологическом конгрессе на тему о новых идеях в современном марксизме (1982), который я готовил по предложению Улфа Химмельстранда и Нейла Смелсера. Первый из них, дружбой с которым я горжусь, был президентом МСА, второй – председателем Программного комитета. Года за три до этого события Нейл позвонил мне в Москву из Калифорнии и сказал, что исполком МСА хотел бы нанять меня (так он и сказал: «employ you »; я до сих пор жалею, что не уточнил «цену контракта») для организации симпозиума по марксизму. Я, конечно, ответил согласием, предварительно согласовав свой ответ с А.Г. Егоровым, Ф.Н. Момджяном и Г.Г. Квасовым.

Я оказался неплохим режиссером этого действия. Выступило шестнадцать докладчиков; большую часть участников составляли зарубежные марксисты. Вышла книжка – только в английском варианте [25]. Вне программы на симпозиуме выступали ушедший президент У. Химмельстранд и вновь избираемый Ф. Кардозо (будущий президент Бразилии). Дело происходило в одной из аудиторий Университета Мехико-Сити в Мексике. Аудитория была переполнена, присутствовали социологи из 25, а то и 30 стран. Характер дискуссии и многообразие точек зрения на марксизм создавали атмосферу творческого энтузиазма. Мне казалось, что и я сам находился в высшей точке земной цивилизации.

Если принять концепцию противопоставления марксизма и социологии, то получается, что в одних случаях я содействовал упрочению социологических позиций в стране, а в других – разработке марксистской теории. Значит, в моем случае это противопоставление не работало. У меня сформировался достаточно широкий взгляд на взаимодействие марксистской и социологической литературы. Эту точку зрения я выразил в одной из своих работ: в 1980 году издательство «Прогресс» загорелось желанием издать перевод книги английского марксиста Д. Льюиса, посвященной критическому изложению теоретического наследия Макса Вебера. Мне было предложено выступить в качестве научного редактора этой книги. Это меня заинтересовало: я давно собирался более основательно заняться сопоставлением М. Вебера и К. Маркса. Я обнаружил не только противостояние Вебера Марксу, но и определенную инфильтрацию (инклюзию) марксистских идей в ткань веберовских теоретических построений. В этом плане

последние работы Вебера существенно отличались от его «Протестантской этики». При объяснении становления капитализма было уделено огромное внимание самому факту развития производительных сил в Европе, таким моментам, как возникновение фабричного производства, новые формы разделения труда и его организации.

На следующий год то же издательство обратилось ко мне с предложением стать редактором перевода с польского книги моего старинного друга Владзимежа Весоловского «Классы, слои и власть». Это была одна из классических работ 1970–1980-х годов. Она выдержала в Польше несколько изданий и была переведена на английский и ряд других языков. Владзимеж проводил интереснейшее сопоставление марксистских и структурно-функционалистских взглядов на классовые различия в обществе. Замечу, что последний этап работы над рукописью перевода совпал с началом деятельности «Солидарности» в Польше. Это чуть было не загубило весь труд. Но, тем не менее, книга была опубликована [26]. Подход Весоловского к проблеме взаимоотношений марксистской и немарксистской социологии был мне близок. Он заключался в критике догматизма в рамках марксизма и выявлении всего положительного, что было сделано при анализе классовых отношений в немарксистской традиции.

Стоит упомянуть интересный эпизод в моей имэловской карьере. В связи с развитием протестного движения в Польше у некоторых влиятельных работников ЦК КПСС возникла мысль о повторении чехословацкого варианта 1968 года по отношению к Польше. Один из сотрудников Отдела пропаганды ЦК попросил меня изложить на нескольких страницах мое видение польской ситуации (сугубо лично и конфиденциально). Я весьма определенно высказался против чехословацкого варианта. Здесь вряд ли уместно приводить все использованные мною аргументы. Как мне дали понять, моя записка «прошла на самый верх». Во всяком случае, как известно, советские войска не вводились на территорию ПНР.

И еще один эпизод, показывающий, как, работая в ИМЛ, можно было влиять на происходящее в социологии. Когда в ходе перестройки стало ясно, что В.Н. Иванов на посту директора Института не отвечает требованиям времени, отделы ЦК стали подыскивать ему замену. Первое предложение было сделано Т.И. Заславской, но она его не приняла, поскольку не без оснований полагала, что лучше возглавить вновь созданную структуру, чем принимать наследство от прежнего директора. После этого с таким же предложением обратились и ко мне, но я последовал примеру Татьяны Ивановны, а в качестве наиболее подходящей кандидатуры на этот пост назвал В.А. Ядова.

Так что в какой-то мере я оказался ответственным за то, что происходило в Институте социологии в течение последующего десятилетия.

Перестройка и далее. Мой опыт

Теперь поговорим о шестом этапе твоей социологической деятельности...

Перестройка началась с попытки идеологической переориентации партийных кадров. Еще до своего избрания генсеком М.С. Горбачев выступил на общепартийной конференции с обстоятельным докладом на тему о «живом творчестве масс». Ни в этом докладе, ни в инаугурационной речи он не упомянул о «развитом социализме»; эти слова были знаковыми для 1970-х и первой половины 1980-х годов и антисоциологичными по своей сути. Значит, намечался поворот в сторону социологии.

В самом начале 1987 года А.Г. Егоров вышел на пенсию, а директором ИМЛ стал Георгий Лукич Смирнов, который до этого был помощником Генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева. Возможно, Смирнов настаивал на большей определенности в политике партийного руководства страной, поэтому его «перебросили на теорию»,

которой, разумеется, «не хватало». Может быть, в силу этого начался мой довольно короткий и быстрый «рост» в новом Институте.

Во время сотрудничества с Г.Л. Смирновым я открыто занял весьма критическую позицию по отношению к нескольким наиболее одиозным направлениям деятельности старого института: во-первых, против догматики в области теории национальных отношений и, во-вторых, против концепции однолинейно восходящей социальной активности в социалистическом обществе. «Московские Новости» (главный редактор Л. Карпинский) заказали мне статью о механизме торможения перестройки. Она была опубликована 13 марта 1988 года; в тот же день в «Советской России» опубликовали и известную статью Нины Андреевой «Не хочу поступиться принципами». По этим двум статьям можно было судить о степени раскола в партии в понимании задач перестройки. Раскол прошел по всей толще партийного аппарата.

Г.Л. Смирнов повел линию на развертывание теоретических дискуссий в институте. Он организовал свой семинар, на котором я был его заместителем. Этот семинар превратился на какое-то время в центр всей деятельности института (12).

Дальше – больше. Меня привлекли к работе комиссии историков (1989 г.), занимавшихся «белыми пятнами» в истории страны, а точнее, неприглядными моментами в деятельности руководства КПСС прошлых составов. Работу возглавлял член Политбюро А.Н. Яковлев. В этом качестве перед всем коллективом он, правда, ни разу не появился, а передавал поручения через доверенных лиц. Всю команду перевели на цеховскую дачу в самой Москве, в Серебряном Бору. Мне достался участок работы, связанный с анализом Чехословацкого кризиса в 1968 г. и вводом войск стран советского блока на территорию Чехословакии. За три месяца я написал доклад примерно на 4 печатных листа с анализом причин и хода событий (13). Этот опыт был весьма полезен, я понял, как создавались серьезные политические и идеологические документы. Сдал работу в аппарат А.Н. Яковлева и директору своего института и попрощался с дачей в Серебряном Бору.

После Первого съезда народных депутатов мне удалось организовать два репрезентативных московских опроса в 1989 и 1990 годах о состоянии политического сознания населения и об отношении к перестройке. Доля респондентов, относивших себя к «активным участникам перестройки» резко упала – с 56 до 21%. В опросе 1990 года 30% респондентов выбрали суждение «спасти страну может лишь введение частной собственности», а точку зрения «иного (кроме социалистического выбора перестройки) не дано» поддержали чуть больше 20%. За этот же промежуток времени произошло резкое падение авторитета всех властных структур. Так, положительную оценку деятельности Политбюро ЦК КПСС в 1989 году давали 13% респондентов, а отрицательную – 41,1%. В 1990-м эти данные составляли 3% и 72% соответственно! В 1989 году рейтинг Горбачева составлял 36,2 пункта и опережал рейтинг Ельцина на 8 пунктов, в 1990 году на первое место вышел Ельцин, на второе – Собчак, а рейтинг Горбачева составил всего 18%. После Первого съезда народных депутатов резко снизился авторитет партии и, прежде всего, ее политического руководства.

В конце 1980-х годов вице-президентом АН по общественным наукам стал Владимир Николаевич Кудрявцев. Он еще в 1960-е годы начал разрабатывать совершенно запрещенную тему – социологию преступности. Владимир Николаевич организовал «директорский семинар» с постоянным составом из 12–18 директоров институтов АН СССР. Добровольно выдвигающимся докладчику и оппоненту-содокладчику давалось по 15–20 минут, затем разворачивалась дискуссия. Тезисы представлялись заранее и доводились до всех участников семинара. Запись, к сожалению, не велась, чтобы психологически обеспечить свободу высказываний. В качестве докладчиков по рекомендации директоров иногда выступали и другие сотрудники АН. Я оказался постоянным членом этого семинара. Один из моих

докладов был представлен в соавторстве с С.Я. Матвеевой, сотрудницей моего сектора. Нашим оппонентом был В.А. Тишков – директор Института антропологии. Речь шла о межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве. По материалам этого доклада было опубликовано несколько статей, в том числе и в издании Института антропологии. На этом семинаре я несколько раз выступал по теоретическим вопросам понимания демократии. В 1989 г. на основе выступлений я опубликовал в журнале «Советское государство и право» две статьи о спорности противопоставления либеральной и социалистической идеологий [9, 10]. Я исходил из того, что проблема личности и личной свободы оказывается в центре как марксистского социализма, так и либерализма Д.С. Милля. Освобождение общества есть условие освобождения всех его членов, или освобождение каждого есть условие освобождения всех. Кстати, еще Герцен рассматривал этот вопрос именно в таком плане. На этом семинаре выступали также Т.И. Заславская, В.А. Ядов, Ю.А. Красин и А.А. Галкин.

В 1990 году Институт марксизма-ленинизма преобразуется в Институт теории и истории социализма; в нем создается отдел социологии партии, который мне поручают возглавить. В мае 1991 года я подготовил аналитический доклад на тему о ситуации в партии. В нем четко документировано наличие трех различных общественно-политических позиций в рамках как бы единой партии. Предлагалось оформить реально сложившийся развод. Но М.С. Горбачев не сумел прочесть этот материал до августовских событий, которые, по сути дела, положили конец перестройке. Моя последняя акция в качестве руководителя названного отдела состояла в беседе с секретарем ЦК КПСС Калашниковым в дни форосской изоляции Горбачева. Я сказал в этой беседе следующее (это было 20 августа 1991 г.): «Если М.С. Горбачев не будет возвращен к исполнению своих обязанностей без промедления, то партия прекратит свое существование». Как известно, Горбачева возвратили лишь 22 августа.

За эти несколько дней Б.Н. Ельцин, созданный для действий, а не для рассуждений, укрепил позиции с помощью своей команды. Этот эпизод лишь подтверждает известный закон политической жизни: тот политический деятель, который уступает свою власть хотя бы на мгновение, лишается ее навсегда!

Наступили 1990-е, не стало Института теории и истории социализма. Что это привнесло в твою жизнь?

Дальше возник Российский независимый институт социальных и национальных проблем, который под руководством М.К. Горшкова продержался около 10 лет (14). Новый институт объявил конкурс исследовательских программ. Я предложил программу под названием «Социология конфликта», ориентированную на теоретическое осмысление трех фундаментальных конфликтов, пронизывавших российское общество: конфликта во власти, конфликта экономических интересов и конфликта в области межнациональных отношений. Программа была принята. На ее основе несколько позже был создан Центр социологического анализа межнациональных конфликтов. На первых порах со мной оказалось четверо сотрудников – Сусанна Матвеева, Сергей Цымбал, Лена Саутина и Люба Куликова. Несколько позже присоединился Артур Цуциев, остававшийся жить во Владикавказе. Всем моим сотрудникам я искренне благодарен за поддержку в самое трудное время. Судя по выпущенной продукции, выступлениям на конференциях и симпозиумах, нескольким выпущенным книгам, контактам с Госдумой, Центр работал активно, но финансирование его постоянно свертывалось. В результате этот небольшой коллектив распался, и я остался со своей программой в гордом одиночестве.

Вскоре я получил – по инициативе В.А. Ядова – заказ на учебное пособие по социологии конфликта, которое трижды переиздавалось издательством «Аспект-Пресс» (1994, 1995, 1996) [14]. Следующая крупная работа обобщала собранный

Центром материал по межнациональным отношениям [27]. Именно на этой основе возникла потребность сформулировать основные позиции по релятивистской теории нации. К этому добавлю исследование осетино-ингушского конфликта 1992 г. [28].

Итак, работы в новых условиях значительно прибавилось. Безусловно, позитивная сторона новой ситуации проявлялась в том, что между замыслом исследования, созданием текста и изданием книги или статьи проходило гораздо меньше времени, чем раньше. Но вместе с тем замысел должен был формулироваться с учетом возможностей финансирования. Коренная разница определялась тем, что зарплата в институте, хотя и выдавалась регулярно, не покрывала минимальных жизненных расходов. В то же время надо было самому искать средства на проведение исследования. В этих поисках я получал поддержку от наших российских фондов (РГНФ и РФФИ), но другие источники оказались для меня закрыты: для одних я был выходцем из прежних структур, которые должны быть разрушены, для других — неуправляемым исследователем, который научные соображения ставит выше партийных и групповых. Кроме того, я не демонстрировал приверженности к прошлому, но и не спешил уверить новые власти в своей лояльности. Вполне возможно, что моя фамилия была занесена в черный список лиц, нежелательных для поддержки и включения в оплачиваемые группы экспертов. Уверен, что такие списки, составленные кадровыми комиссиями 1992–1994 годов, существовали. Этим я объясняю ряд как мелких, так и крупных неудач, связанных с реализацией моих проектов.

Можно ли говорить в твоём случае о какой-то единой линии социологического мышления? Или твои взгляды радикально менялись вместе с изменением ситуации и переходом от одного этапа к другому?

Я полагаю, что нетрудно выделить некую единую линию на основании моих работ и публикаций. Как ты помнишь, моя научная биография началась с исследования проблемы интереса. Далее я возвращаюсь к этой же теме в более развернутом варианте еще в советский период (1986) — взаимодействие ценностей, потребностей и интересов. Книга носит, на мой взгляд, теоретический и новаторский характер, хотя в ней выдержан определенный канон, заданный издателем. Если мне память не изменяет, между сдачей книги в печать и ее выходом прошло 6 лет! Все это время в издательстве размышляли, стоит ли издавать книгу. Но если взять, например, рассмотренное в ней понятие потребностей — жизненных нужд, то от него легко перекинуть мост к современной социальной политике — четырем правительственным программам. Я уже не говорю о понятии ценностей, которое в значительной мере было новым для 1980-х годов. Дальнейшая проработка этих вопросов дает основания для построения теории тройственной детерминации социального действия, благодаря чему это центральное понятие современной социологии выводится из тупика смыслового целеполагания.

Следующий этап в развитии той же темы — «Социология конфликта» [14], «Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве» [27] и «Социология российского кризиса» [7]. Хотя в этих работах и развивается начатая ранее тематика, но написаны они совсем в иное время. В первой из них предлагается новое определение конфликта — именно через социальное действие. Конфликт — это одновременное развертывание и действия, и противодействия. Если мы принимаем такое определение, то отсюда следует масса выводов вполне практического характера как в области политики, так и в различных областях менеджмента. Во второй книге рассматривается соотношение политических и национально-этнических конфликтов и, кроме того, впервые обосновывается релятивистская теория наций как определенная перспектива на будущее, надеюсь, не очень отдаленное. Наконец, в третьей книге анализируется понятие кризиса, использованное в работах наиболее видных российских социологов нашего времени. То есть я пытаюсь преодолеть раздробленность в российской

социологии и сблизить позиции социологов по отношению к актуальным проблемам общества. Речь идет не об общем взгляде, который должны разделять все, а о том, чтобы позиции каждого стали известны и учтены как в преподавании, так и в исследовательской работе. Отсюда мой интерес к социологии социологии и к истории социологической мысли [11].

Дальнейшая разработка проблематики социального действия связана с осмыслением тех социальных изменений, которые происходят в России в течение последних десятилетий. Радикальные изменения произошли в сфере власти, собственности, мотивации профессиональной деятельности, в межличностных связях и отношениях. Изменилась и система международных отношений и, соответственно статус российского общества и государства. Изменилась роль границ! Национальные интересы общероссийского масштаба стали гораздо более прозаическими и реалистическими. Изменилась структура ценностей, ценностных ориентиров и приоритетов. Преобразовались сами основания нравственного сознания – представления о добре и зле. Большую долю своих поступков человек в нынешней России определяет сам: в этом состоит его свобода.

На мой взгляд, именно эта ситуация определяет задачи социологических исследований: как разрешаются противоречия между сдвигами социетального характера, с одной стороны, и уровнем массового сознания, с другой. Иначе говоря, в какой мере конкретные группы людей, и, прежде всего, группы профессиональные, готовы осваивать сложившиеся условия – не просто адаптироваться к ним, а выбирать с пониманием сути происходящего, с умением оценивать ситуацию и самостоятельно строить свою жизнь. На стыке этих новых социетальных требований и возможностей и групповых ожиданий образуется некоторое социальное пространство риска и неопределенности. Видишь, какая совокупность социологических сюжетов возникает в этой связи? Когда речь заходит о профессионализации общества как об одном из доминантных социальных процессов, следует подумать и об изучении того, как меняются социальные институты, нормы и привычки профессионального поведения.

Огромный пласт исследований связан с пониманием культуры – законов ее сохранения как источника мотивации и критерия самооценки. В нашей литературе вполне освоена позиция социального активизма, но исследования механизмов коллективного действия, разграничивающих свободу действия от произвола, остаются вне сферы внимания социологической теории. На мой взгляд, в этой области, как и во многих других, может быть использован опыт социологии П. Бурдье и его школы. Я имею в виду, прежде всего, его теорию социального пространства и теорию поля как совокупности позиций, определяющих личностные ожидания, ориентации и иные мотивы поведения. Иными словами, надо и нам научиться спускаться с высот «общества вообще» с его социальными, политическими, ценностными параметрами к реальности социальных полей, которые влияют на индивида, на личность в соответствии с более конкретными социальными нормами.

В данном случае я позволил себе некоторую вольность: ведь исследовательские задачи в нынешних условиях определяются не теоретическими соображениями, а наличием заказов.

Но если говорить в целом о положении самой социологии, то здесь, безусловно, налицо определенные позитивные сдвиги. Сейчас ни одна из политических передач не обходится без ссылки на опросы, которые становятся составным элементом нашей культуры. Социология как учебный предмет вошла в систему высшего образования; отдельными предметами стали политология и культурология. Тем не менее, у большей части тех, кто объявляет себя социологом, знание основ социологии остается весьма смутным.

Одно из объяснений этому заключается в расколе самого социологического

сообщества. Как и во всех профессиональных группах, среди социологов имеются люди весьма успешные, готовые оценивать общество в целом с точки зрения своих личных успехов. Они, как правило, весьма некритически воспринимают все, что исходит от власти, и закрывают глаза на такие явления, как пауперизация, преступность, коррупция, бродяжничество, детская беспризорность, оскорбительная политика по отношению к пенсионерам (монетизация льгот и проч.), удорожание жилья, алкоголизация населения, распространение наркотиков, проституирование значительной части молодежи. Все это становится характеристикой образа жизни более чем четверти населения страны. Для таких людей сама жизнь не приносит радости, ее смысл теряется, ибо в их сознание настойчиво вдалбливается идея дезадаптации, а значит, ненужности. Нужными чувствуют себя только успешные люди, а таких около четвертой части населения. Остальные либо разочаровались в своих притязаниях, столь четко руководивших их поступками 15–20 лет тому назад, либо превратились в циников, которым не только безразличны нужды общества, но порой и до своих ближних нет никакого дела [29].

Среди социологов наблюдается и другая крайность – позиция потерпевших неудачу и, соответственно – неверие в общество, в «систему», в государство и самих себя.

При подобном разном внутри социологии практической политике весьма сложно приобрести в ее лице надежную опору. Однако представляется, что по мере решения государством целого ряда практических вопросов начинает выравниваться и положение в социологии. Социологи все в меньшей мере бездумно используют зарубежные методы для конструирования российской реальности и все большее внимание уделяют выработке взвешенного реалистического подхода при оценке бурных социальных преобразований, меняющих жизнь всего общества и каждой семьи.

Примечания:

1. В. А. Ядов в своей последней книжке «Современная социологическая теория» [5] допускает несколько неточностей, связанных с упоминаемым изданием. Он пишет: «...А.Г.Здравомыслову в те годы удалось под грифом «Для служебного пользования» издать переводы работы Парсонса, а Юрия Леваду, который публично в своих лекциях излагал структурно-функциональный подход, подвергли жесточайшей критике и остракизму» [4, с. 21, прим.] Сборник текстов «Структурно-функциональный анализ в современной социологии» под моей редакцией [5] вышел в 1968 году, еще до образования Института конкретных социальных исследований. Я работал в ЛВПШ и на полставки – в отделе Ю.А. Левады в Институте философии АН. Грифа «Для служебного пользования» на обложке не было. Помимо ССА на титуле были указаны Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований и Отдел конкретных социологических исследований Института философии АН. Издание сборника инициировалось Ю.А. Левадой. Что касается лекций Левады, то они были опубликованы и обсуждались уже в «другое время» – под влиянием идеологического переворота, вызванного вводом войск стран Варшавского договора на территорию Чехословакии.
2. Странная вещь, но книга была замечена Парсонсом, что утвердило меня в избранном направлении социологического теоретизирования. Об отношениях с Т. Парсонсом и восприятии его теории см. [7, с. 253–300].
3. Такие же настроения примерно в эти же годы были свойственны и британским социологам. В предисловии к книге «A history of sociology in Britain» говорится «Мы

были активистами и энтузиастами реформ, нацеленных на то, чтобы превратить британское общество в государство благосостояния» [8, р. VI].

4. Это была не война за овладение ресурсами, а война на уничтожение (Vernichtung). См. подробнее [12].

5. Из названных авторов наиболее обстоятельно описывает свой путь в социологию В.Н.Шубкин. Именно в его работах можно найти заслуживающее внимания рассмотрение вопроса о традициях российского социологического мышления.

6. Кстати, Г.С. Батыгин знал знаменитый текст Маркса из введения «К критике политической экономии» (1859).

7. Во второй раз я встретился с Мертоном в 1966 году в Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе: Т. Парсонс и Р. Мертон пригласили Г.В. Осипова с супругой, Н.В. Новикова и меня на обед в швейцарский ресторан на берегу Женевского озера. Сохранилась памятная фотография, которую я передал в Сообщество профессиональных социологов. Третья встреча с Мертоном состоялась в 1994 году в Нью-Йорке, у него дома.

8. Это была уже вторая презентация наших материалов на международной арене. Первая состоялась в 1964 году на Международном конгрессе психологов Москве.

9. Ю.А.Асеев по возвращении из командировки в США был исключен из рядов КПСС в «связи с неправильным поведением за границей».

10. О. Божков, Б. Докторов по различным причинам в это время столкнулись с проблемами в трудоустройстве. – Прим. ред.

11. Об обстоятельствах возвращения из ЛВПШ в ИКСИ см.: [7, с. 311–312].

12. После каждого заседания издавалась его стенограмма, благодаря чему накопился значительный материал по теории социализма, пока не нашедший применения.

13. Доклад не публиковался.

14. В начале 1990 года состоялись выборы последнего руководства Советской социологической ассоциации. В результате острой дискуссии были избраны три сопрезидента: В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко и я. Между собой мы решили, что каждый из нас будет в роли президента в течение года, а очередность определилась жребием. Таким образом, я в 1992 году оказался президентом советской общественной организации, в то время как Советский Союз уже прекратил свое существование. Этот парадокс мы устранили в начале 1993 года, преобразовав ССА в Профессиональную социологическую ассоциацию (ПСА). Без какой-либо поддержки мне удалось выпустить за ряд лет восемь номеров «Бюллетеня ПСА» и даже создать первый – пробный – вариант сайта этой ассоциации.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: ЛГУ, 1964.
2. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
3. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.
4. Ядов В.А. Современная социологическая теория как концептуальная база

исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

5. Структурно-функциональный анализ в современной социологии / Под ред. А.Г. Здравомыслова. Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. 1968. № 6. Вып. 1.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: Т. 2. 2-е изд. М., 1955. С. 89.

7. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.

8. Halsey A.H. A history of sociology in Britain: Science, literature and society. Oxford: Oxford University Press, 2004.

9. Здравомыслов А.Г. Новая концепция социализма и процесс демократизации // Советское государство и право. 1989. № 5.

10. Здравомыслов А.Г. Новое видение социализма и процесс политизации массового сознания. Советское государство и право. 1989. № 8.

11. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современной России: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1.

12. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия: Беседы в Германии. М.: РОССПЭН, 2003.

13. Батыгин Г.С. Предисловие // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Яромлюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 12.

14. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М.: Аспект-Пресс, 1994 (2-е изд., доп., 1995; 3-е изд. доработ. и доп., 1996).

15. Ядов В.А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11; № 4. С. 2–10.

16. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего // Социология в СССР: Т. 2. М.: Мысль, 1965.

17. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду // Опыт и методика конкретных социологических исследований / Под ред. Г. Глезермана. М.: Мысль, 1965.

18. [Докторов Б., Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.

19. Здравомыслов А.Г. Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности / ССА, ИКСИ АН СССР. Л., 1969.

20. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.

21. Здравомыслов А., Докторов Б. Альтернативная оценка структурных элементов рабочей ситуации / Общ. ред. А.Г. Здравомыслова // Информационный бюллетень ССА. 1968. № 9.

22. Здравомыслов А.Г. К вопросу о типологии образа жизни в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1974. № 2. С. 88–89.

23. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986.

24. Староверов В.И. Преемственность научной мысли – важнейшее условие развития марксистско-ленинской социологии // Социологические исследования. 1982. № 1. С. 188–196.
25. New developments in Marxist sociological theory. Modern social problems and theory / Ed. by A Zdravomyslov. London: SAGE, 1986.
26. Весоловский В. Классы, слои и власть: Пер. с польского / Под ред. А.Г. Здравомыслова. М.: Прогресс, 1981.
27. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1997.
28. Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М.: РОССПЭН, 1998.
29. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998–2004) // Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. С. 32–44.